

Реформы делают не для удовольствия

Избранные места из размышлений Егора Гайдара

ПРАВЫЙ лидер

Что же было с Родиной и с нами?

Рухнул социалистический строй. Рухнула последняя крупная территориально интегрированная империя. И то и другое было неизбежно. Социалистическая экономическая система и тесно связанная с ней тоталитарная политическая система были слишком жесткими структурами для быстро меняющегося мира XX века. Они лишь казались твердыми, стабильными. На деле оказались хрупкими. С середины 70-х годов советские финансы, бюджет, платежный баланс, потребительский рынок, снабжение населения продовольствием — все это зависело от экспорта нефти, нефтепродуктов и газа, ситуации на мировом рынке энергетических ресурсов. После того как цены на нефть между 1981 и 1986 годами упали в несколько раз, экономический механизм краха Советского Союза был запущен. Дальше стоял лишь вопрос о формах и цене этого краха. Потребовалось немало усилий, чтобы уйти от большой крови, с которой обычно связаны крахи территориально интегрированных империй (очевидный пример — кровавая история крушения одной из микроимперий — Югославии). То, что между Россией и Украиной не произошло конфликта по вопросу о границах, подобно тому, который имел место в начале 90-х годов между Сербией и Хорватией, на мой взгляд, одно из важнейших событий XX века. Потребовалось время, чтобы после крушения институтов прежнего социалистического режима сформировать предпосылки восстановления динамики экономического роста на принципиально иных, рыночных основаниях экономики. Рост пришел не сразу. На постсоветском пространстве он начался позже, чем в странах Восточной Европы. Но оказался динамичным и устойчивым. Даже финансовая катастрофа 1998 года, связанная с существенно меньшим, чем в 80-х годах, снижением цен на нефть (в данном случае двукратным), остановила его лишь на один год.

К сожалению, проблемой России (впрочем, отнюдь не уникальной, характерной для многих метрополий) стал постимперский синдром. Когда экономика развивается прилично, реальные доходы растут, безработица отступает, так приятно вечером вернуться с неплохо оплачиваемой работы, посмотреть фильм, где наши разведчики всегда лучше, чем их шпионы, где мы всех побеждаем, где нас все боятся. Где и сегодня наши бандиты круче их бандитов. После этого лорассуждать о том, что нас никто не победил на поле брани, нам нанесли удар кинжалом в спину. В такой ситуации всегда находится немало политических проходимцев, готовых поиграть на лодобного рода чувствах. Как показывает опыт, кончают они плохо. К сожалению, платить за подобный политический товар приходится не только им.

20 лет назад я был кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Всесоюзного института системных исследований Государственного комитета по науке и технике СССР и Академии наук СССР. Вместе с рядом моих друзей и коллег (среди них такие хорошо известные сегодня фигуры, как П. Авен, А. Чубайс, С. Игнатьев, С. Васильев, и многие другие) по поручению комиссии Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления написал программу постепенных, медленных реформ, ориентированных на формирование рыночной экономики в СССР. Научная секция комиссии, в которую входили руководители

ФОТО: ЯКОВ АНДРЕЕВ

ведущих экономических исследовательских институтов, эту программу поддержала. Сама комиссия весной 1985 года ее категорически отклонила. Руководителю научной секции Д.М. Гвишиани, зятю А.Н. Косыгина, директору моего института, было сказано, что формирование системы рыночного социализма выходит далеко за рамки политической повестки дня. А лотом были 20 лет, которые мы прожили.

Что же будет с нами и Россией?

Обсуждение вопросов развития России на следующие полвека имеет политический смысл. Это нетривиально для сегодняшней России, где все время что-то очень острое происходит и где внимание властей и политической элиты сконцентрировано на том, что происходит с сегодня на завтра. Например, сейчас — проблемы со льготами, демонстрациями, что-то все время случается на Северном Кавказе... И есть страшный соблазн сказать, чтобы не приставали с глупостями насчет того, что будет в стране в следующие 50 лет, так как сейчас нужно разбираться с сегодняшними делами. На самом деле принципиально важно думать о том, какие ключевые, стратегические проблемы встанут перед страной через два поколения, чтобы знать, как выстраивать политику в ближайшее время. Ибо есть инерционные процессы, с которыми надо начинать разбираться заранее.

Америка не сталкивалась с российскими проблемами, но наша страна сталкивается уже сейчас и столкнется на протяжении следующего полувек с американскими. Пример — здравоохранение, являющееся важнейшей проблемой постиндустриального общества. Когда формировались контуры американской системы здравоохранения, американское общество было молодым, доля пожилого населения бы-

ла незначительной, это было индустриальное общество, основной спрос был на продукты питания и промышленные товары массового потребления. Доля расходов на здравоохранение была крайне ограничена. Сейчас американское общество радикально меняется. Резко растет доля старших возрастных групп, в Америке сегодня на последний год жизни людей приходится треть всех расходов на здравоохранение. Есть отчетливая корреляция между долей старших возрастных групп и расходами на здравоохранение. Они с каждым годом становятся выше. Есть также известная в постиндустриальных обществах тенденция роста общего спроса на медицинские услуги у всех возрастных групп, потому что, когда у человека с хлебом насущным все в порядке, он начинает думать о здоровье. Плюс к тому есть тенденция возрастания возможностей по предоставлению услуг здравоохранения. Именно вследствие этих факторов доля расходов на здравоохранение в ВВП Америки за последние 60 лет выросла в 6 раз. Доля, а не общие расходы, которые в свою очередь выросли в десятки раз. И при этом выясняется, что у государства не безграничные возможности финансировать здравоохранение. Причем происходит это в богатой Америке.

Надо полагать, что и России не избежать такого рода проблем, и думать об этом следует уже сейчас, а не когда гром грянет. Да, Америка опережает Россию по развитию примерно на 50-60 лет, однако по демографическим проблемам эта дистанция меньше по комплексу исторических причин, связанных с индустриализацией и более ранним вовлечением женщин в работу вне крестьянских хозяйств.

Не готов давать прогнозы, но готов обсуждать ключевые проблемы, которые встанут перед Россией. Есть одна важная социально-экономическая область, в которой долгов-

рочные прогнозы работают, — это демография. Но демографические прогнозы имеют очевидные экономические последствия. Уверен, что будут радикальные изменения возрастной структуры населения, числа пенсионеров, приходящихся на одного работающего. В связи с этим возрастут потребности в медицинских и образовательных услугах и ограничения, связанные с тем, что государство не всемерно и не слободно мобилизовать доходов больше, чем есть. Все это явится фоном для других существенных проблем, возникающих в условиях экономического роста в России на протяжении ближайших 5-20 лет.

Существует устойчивая зависимость между социально-экономическим и политическим развитием страны. В этой связи я глубоко уверен, что через 20 лет в России будет реально функционирующий демократический режим. Потому что в урбанизированном, грамотном, прилично образованном обществе, где у большей части населения есть высшее образование, долго внушать людям, что есть мудрые власти, которые за них решат все проблемы, невозможно. Некоторое время можно, но недолго. Не знаю, как точно будут развиваться события на Украине, но долго объяснять грамотному, образованному молодому человеку, включенному в глобальный мир, подключенному к Интернету, что украинцы имеют право решать, как они будут жить, а у него такого права не будет, не получится. Это не получалось почти ни у кого в мире, вряд ли получится и в России.

Я понимаю, что реформы не делаются для удовольствия. Как человек, который провел некоторое количество реформ, могу сказать, что для удовольствия реформы могут делать только идиоты. Реформы — это всегда тяжело, всегда конфликт и всегда больно. Делают их, как правило, тогда, когда не делать их нельзя.

Ирина Колова